

УДК 821.161

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕКСТ ПУШКИНА

Дергачева И. В.*Московский государственный психолого-педагогический университет**121248, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, д. 3, корп. 2, кв. 172, Российская Федерация***Цель.** Выявление значения итальянской культуры для личности Пушкина.**Процедуры и методы.** Материалом статьи стал весь корпус литературного наследия Пушкина – его лирика, поэмы, драматические произведения, автобиографическая проза и письма. В основу исследования положены метод сплошной выборки, биографический, культурно-исторический, сравнительно-исторический, а также историко-функциональный подходы, позволяющие целостно представить особенности «итальянского текста» Пушкина.**Результаты.** Раскрыты содержательные аспекты «итальянского текста» Пушкина, которые связаны с концептами «красоты», «свободы», «итальянской оперы». Системно представлена степень знания Пушкиным итальянского языка, выявлены детали его знакомства с итальянской культурой. Выдвинута гипотеза о том, что Пушкин намечает пути развития русской литературы по аналогии с литературой Италии. Сформулированы предложения по тематическому делению «итальянского локусного текста» Пушкина.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Теоретическая значимость исследования связана с системной репрезентацией итальянской темы в творчестве Пушкина и углублённой разработкой проблемы «локусного текста» в русской литературе.**Ключевые слова:** искусство, «итальянский текст» Пушкина, итальянский язык, локусный текст, опера, свобода**Благодарности.** Работа выполнена за счёт гранта Российского научного фонда № 24-28-00479: «Межкультурный диалог России и Италии в эпоху “Великих реформ” Российской империи и итальянского Рисорджименто» – <https://rscf.ru/project/24-28-00479>.

ITALIAN TEXT OF PUSHKIN

I. Dergacheva*Moscow State University of Psychology and Education**nab. Tarsa Shevchenko 3/2, Moscow 121248, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the importance of Italian culture for Pushkin's personality.**Methodology.** The material of the article was the entire corpus of Pushkin's literary heritage – his lyrics, poems, dramatic works, autobiographical prose and letters. The research is based on the continuous sampling method, biographical, cultural-historical, comparative-historical, as well as historical-functional approaches that allow us to holistically present the features of Pushkin's "Italian text".**Results.** The article reveals the substantive aspects of Pushkin's "Italian text", which are associated with the concepts of "beauty", "freedom", "Italian opera". The degree of Pushkin's knowledge of the Italian language is systematically presented, the details of his acquaintance with Italian culture are revealed. The hypothesis is put forward that Pushkin outlines the ways of development of Russian literature by analogy with the literature of Italy. Proposals on the thematic division of Pushkin's "Italian locus text" are formulated.

Research implications. The theoretical significance of the study is related to the systematic representation of the Italian theme in Pushkin's work and the in-depth development of the problem of "locus text" in Russian literature

Keywords: art, Pushkin's "Italian text", Italian language, locus text, opera, freedom

Acknowledgments. The work was done due to a grant from the Russian Scientific Foundation 24-28-00479: "Intercultural dialogue of Russia and Italy in the era of the "Great reforms" of the Russian Empire and the Italian Risorgimento" – <https://rs.cf.ru/project/24-28-00479>.

Введение

Проблемам локусного текста в настоящее время уделяется много внимания. Так, им посвящён юбилейный сборник «Восток – Запад», выпущенный к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга [6]. Подзаголовок сборника «Пространство локального текста в литературе и фольклоре» закономерен, ибо Гольденберг известен как блестящий знаток «царицынского» и многих других локальных текстов, введённых им в научный оборот. Пространство, представленное в статьях раздела «Локусы России в отечественной и мировой литературе», простирается от Урала, Русского Севера («северный текст» А. Ремизова в статье Ю. В. Розанова, «северное пространство» в поэзии Н. Гумилёва у А. А. Чевтаева), Сибири (Я. Войдович о «сибирском тексте» В. Сорокина) к полиэтнической топики Владивостока (Т. В. Краюшкина), лермонтовскому Пятигорску (Я. В. Погребная), польско-русским образам пространства А. Мицкевича (Л. А. Шестак) и «каприйскому тексту» в творчестве Л. Н. Андреева. Описывая итальянские фольклорные источники новеллы Л. Н. Андреева «Рогоносец», Р. Джулиани подчёркивает, что, «не переписи... Андреев» эту страницу истории Капри, она «была бы навсегда утрачена» [6, с. 240].

Тема «Пушкин и Италия» исследована в разных аспектах: изучены литературные связи [1; 2; 3; 10; 12; 13], доказано, что поэт блестяще владел итальянским языком [1; 3; 5; 8; 10; 13]. А. М. Букалов в монографии «Пушкинская Италия» осветил связь Пушкина с Италией и её культурой [4]. Эпитет «итальянский» в творческом и эпистолярном наследии А. С. Пушкина исследован в статье А. Ю. Незнамовой [12].

Ф. М. Достоевский об А. С. Пушкине: идеологема «всечеловек»

В знаменитой Пушкинской речи, произнесённой 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, писатель назвал великого русского поэта «всечеловеком», указав на его необыкновенную способность глубоко чувствовать не только свою национальную культуру, но и европейскую и «уметь перевоплощаться вполне в чужую национальность»: «Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такую способность всемирной отзывчивости, как наш Пушкин ... Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность ... Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только ... стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите ... мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения»¹.

Термин «всечеловек» был употреблён по отношению к А. С. Пушкину как к писателю, создавшему шедевры прецедентных текстов, стилизовав их под европейские, оставаясь при этом на русской национальной почве.

В Италии Пушкин так и не побывал, несмотря на то, что служил в Коллегии иностранных дел, называл себя «*краёв чужих неопытным любителем*», и из двадцати человек, подписавших устав литературного общества «Арзамас», за границу, кроме Пушкина, съездили все. Из множества лю-

¹ Достоевский Ф. М. Пушкинская речь // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 145–148.

бимых стран Италия была особенно дорога сердцу поэта, она была для Пушкина «заветнейшей и любимейшей мечтой жизни». В пушкинских текстах, как следует из «Словаря языка Пушкина», прилагательное «итальянский» встречается 21 раз, а существительное «итальянец» в разных грамматических формах упоминается также 21 раз¹.

Концепт «Италия» в творчестве Пушкина

Что же для А. С. Пушкина связано с концептом «Италия»?

1. Концепт «Красота». Представляется, что как и для других русских писателей, увлечённых красотой памятников культуры Италии, для А. С. Пушкина эта страна является прежде всего той самой красотой, которой «мир спасётся». В стихотворении «Кто знает край, где небо блещет...» 1828 г. Пушкин описывает любимые образы Италии:

*Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою,
Где море тёплой волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?*

*Волишебный край, волишебный край,
Страна высоких вдохновений ...²*

Поэт ставит знак равенства между собой и итальянским гондольером, полным поэтического вдохновения:

*Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывёт,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поёт.
Он любит песнь свою, поёт он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоки
Преследуют во мгле мой парус одинокий,
Как он, без отрыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю³.*

Гармонический синтез красоты итальянской природы, поэтического наследия Италии, символизированного в образе «Торквато величавого», живописи Возрождения, олицетворённой фигурой Рафаэля, скульптуры, представленной образом оживлявшего мрамор резца Кановы, завершается величественным образом «сурового мученика» Байрона, олицетворяющего обобщённый образ почитателя Италии во всём блеске её духовной и физической красоты.

Говоря об Италии, Пушкин употребляет всегда самые восторженные, «звучные» эпитеты: «прекрасная», «святая», «волшебная» и особенно часто «счастливая» и «златая»: «Златой Италии роскошный гражданин»⁴, «Язык Италии златой звучит по улице весёлой»⁵, «Близ мест, где царствует Венеция златая...»⁶, «Сыны Авзонии счастливой слегка поют мотив игривый...»⁷. Вспомним, что прилагатель-

¹ Итальянский // Словарь языка Пушкина: в 4 т. Т. 2 / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. С. 278.

² Пушкин А. С. Кто знает край, где небо блещет... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 53.

³ Пушкин А. С. Близ мест, где царствует Венеция златая... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 24.

⁴ Пушкин А. С. К Овидию // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1962. С. 68.

⁵ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1962. С. 175.

⁶ Пушкин А. С. Близ мест, где царствует Венеция златая // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 24.

⁷ Пушкин А. С. Отрывки из приключений Онегина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1964. С. 208.

ное *золотой* в мировой христианской культуре связано с представлением о рае. Как и для Ф. М. Достоевского, Италия со своей прекрасной природой, на фоне которой так органично смотрятся памятники её искусства, представляется для поэта своеобразным локусом рая, к которому всю жизнь стремится душа.

В заметке «О народной драме и драме «Марфа Посадница»» Пушкин поднимает вопрос о сущности прекрасного. Он выступает против распространённого тезиса «педанта Готшеда» о том, что «главное достоинство искусства есть польза»: «И какая польза в Тициановой Венере и в Аполлоне Бельведерском?»¹ Правдоподобие тоже не является сущностью искусства – Пушкин приводит примеры, когда «величайшие русские писатели не повиновались сему правилу»: «У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полускиф Ипполит говорит языком молодого благовоспитанного маркиза. Римляне Корнелия суть или испанские рыцари, или гасконские бароны, а Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Со всем тем, Кальдерой, Шекспир и Расин стоят на высоте недостижимой, и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов...»². Рассматривая искусство в драматургии, Пушкин приходит к выводу о необходимости для драматического поэта «глубокого, добросовестного исследования истины ... Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы, их предрассудки»³. Именно народ в своём историческом развитии и его истинное изображение является центром внимания поэта.

Инфернальные картины посмертного наказания Иуды представлены поэтом в стихотворении, названном «Подражание итальянскому»:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожёт уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа⁴.*

Почему стихотворение носит такое заглавие? Можно предположить, что евангельский сюжет ассоциируется у поэта с многочисленными его изображениями в итальянской живописи эпохи Возрождения.

2. Мечты о свободе. Тема Италии связана у поэта также с извечной мечтой о свободе. В южной ссылке, мечтая о побеге из России, Пушкин прежде всего думает об Италии:

*Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле,
С венецианкою молодой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви⁵.*

¹ Пушкин А. С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Наука, 1978. С. 212.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 151.

⁴ Пушкин А. С. (Подражание итальянскому) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Наука, 1963. С. 334.

⁵ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1962. С. 25.

Тема побега незадолго до смерти поэта звучала и в его словах, обращённых к О. Смирновой-Россет: «Увезите меня в одном из ваших чемоданов, ваш же боярин Николай меня соблазняет. Не далее как вчера он советовал мне поговорить с государем, сообщить ему о всех моих невзгодах, просить заграничного отпуска. Но всё семейство поднимет гвалт. Я смотрю на Неву, и мне безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароход... Если бы я это сделал, что бы сказали? Сказали бы: он корчит из себя Байрона» [цит. по 11, с. 100].

Тема свободы была связана в сознании Пушкина и с восстанием карбонариев в Италии 1820–1821 гг., с развитием итальянской свободолюбивой публицистической мысли (например, государственный деятель времён объединения Италии Джузеппе Гарибальди мечтал «*об идеальном мире, идеальной итальянской республике, где никто не будет ни в чём нуждаться и все окажутся равны*» (перевод наш. – И. Д.) [8, с. 49]). Как и декабристы, поэт с восторгом отнёсся к формированию национального самосознания Италии, видя сходство в развитии молодой русской нации с крепостным правом, жаждущей будущих «великих реформ» и объединяющейся Италией, стремящейся освободиться из-под гнёта иностранных держав.

В стихотворении «Лицинию» поэт обращается к римлянам с призывом к борьбе за освобождение своих земель, призывает их вспомнить великое прошлое Римской империи:

*О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?*¹

Несмотря на то, что Пушкин обращается к жителям древнего Рима, мысль поэта устремлена к его современникам, борющимся за свою национальную независи-

мость. Всем сердцем поэт сочувствует их борьбе:

*Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа?*²

Желание вырваться с друзьями в прекрасную Италию звучит и в стихотворении 1828 г.:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убягая:
К подножию ль стены далёкого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поёт уже ночной гребец.
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают роицы,
Повсюду я готов?*³

Обращаясь к теме желанной свободы, Пушкин пишет стихотворение, озаглавленное «К Пиндемонти». Оно не имеет отношения к творческому наследию свободолюбивого итальянского поэта Ипполито Пиндемонте (1753–1828), но можно предположить, что Пушкин был вдохновлён его стихами «Политические мнения» (1808), «Удар колокола св. Марка в Венеции» (1820) и пр. :

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова ...*

*Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья,
Вот счастье! вот права...*⁴

² Там же. С. 99.

³ Пушкин А. С. Поедем, я готов; куда бы вы, друзья... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 129.

⁴ Пушкин А. С. (Из Пиндемонти) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 336–369.

¹ Пушкин А. С. Лицинию // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Л.: Наука, 1977. С. 98.

3. Итальянская опера. А. С. Пушкин очень любил и ценил итальянскую оперу. Об этом свидетельствует его эпистолярное наследие: «Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу»¹; «Правда ли, что едет к вам Россини и итальянская опера? – боже мой! это представители рая небесного. Умру с тоски и зависти»²; «Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне – скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы»³; «Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство итальянки»⁴.

«Весной 1823 года Пушкин переехал в Одессу. Здесь он попал в круг иных музыкальных впечатлений. В Одессе издавался музыкальный журнал, и устраивались концерты. Но особенно привлекательными для Пушкина были оперные спектакли. "Я нигде не бываю кроме в театре", – пишет поэт брату Льву в 1823 г. «В оперном театре был оркестр из 25 человек. Труппа была итальянской. В репертуаре сезона 1823–1824гг. значились оперы Россини "Севильский цирюльник", "Золушка", "Итальянка в Алжире", "Сорока-воровка"»⁵.

В повести «Метель» «арии из Жоконда» ассоциируются у Пушкина с торжествами по случаю славного окончания войны 1812 г.: «Между тем война со славою была окончена. Полки наши возвращались из-

за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жоконда»⁶.

Отрывок «Гости съезжались на дачу...» (1828–1830) начинается с описания поклонников оперы: «Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую итальянскую оперу»⁷. Один из героев отрывка, господин Р., как юноша из незаконченного произведения «Египетские ночи» бредит Флоренцией: «каждые пять минут повторяет с упоением: "Quand j'étais à Florence..."»⁸.

*«... Но ужь темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новый,
Онъ звуки льетъ, они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшего Аи
Струя и брызги золотые...*

И такъ, я жилъ тогда в Одессѣ...

Такихъ прямыхъ свидѣтельствъ объ увлеченіи Пушкина итальянской оперой много – и въ стихахъ, и въ прозѣ» [14, с. 49].

Итальянский язык в творчестве Пушкина

Выученный Пушкиным для чтения в подлиннике любимых итальянских писателей итальянский язык был назван им «роскошным языком, исполненным бле-

¹ Пушкин А. С. Л. С. Пушкину, 1823 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1977. С. 64.

² Пушкин А. С. А. А. Дельвигу, 1823 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1977. С. 59.

³ Пушкин А. С. Д. М. Шварцу, 1824 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1977. С. 91.

⁴ Пушкин А. С. П. А. Вяземскому, 1825 г. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1977. С. 134.

⁵ Шишкова М. П., Шишков К. А. Пушкин, музыка, эпоха [Электронный ресурс]. URL: <http://old-www.tverlib.ru/~shishkova/s04-text.htm> (дата обращения: 20.03.2024).

⁶ Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1964. С. 112.

⁷ Пушкин А. С. Гости съезжались на дачу // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 374.

⁸ Пушкин А. С. Гости съезжались на дачу // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 377.

ска и *concetti*»¹. В заметке «О “Ромео и Джульете” Шекспира» Пушкин восхищается описанными великим английским поэтом образами Италии: «Трагедия “Ромео и Джульета”, хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приёмов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что её должно почтить сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с её климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с её роскошным языком, исполненным блеска и *concetti*. Так понял Шекспир драматическую местность. После Джульеты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии. Поэт избрал его в представителе итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI в.»².

В домашней библиотеке Пушкина имелись книги итальянских авторов, которых в пушкинское время можно было прочитать либо на их родном языке, либо в переводе на французский язык. Пушкин увлёкся Италией в «садах Лицея», где выучил латинский язык и познакомился с римской литературой. Его знакомство с К. Н. Батюшковым – блестящим знатоком итальянской литературы и языка – способствовало открытию Пушкиным средневековой итальянской литературы и литературы итальянского Возрождения.

Пушкин обладает большими знаниями в области сопоставительного языкознания. В рецензии на книги стихотворений французских поэтов И. Делорма и Сент-Бёва поэт описывает влияние латинского языка на французский: «Заметим мимоходом, что законом о *giatus*е одолжены французы латинскому *элизиму*. По свойству латинского стихосложения слово,

кончащееся на гласную, теряет её перед другою гласною»³.

Тонко чувствующий текст Пушкин выступает против буквального перевода идиоматических выражений: «Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами»⁴.

Примером, подтверждающим слова Достоевского о народном характере пушкинских текстов, является заметка Пушкина «Опровержение на критики» (1830), где поэт указывает на народные корни двух языков – итальянского и русского: «Альфieri изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирам. Они говорят удивительно чистым и правильным языком»⁵.

В 1826 г. Пушкин переводит на русский язык без соблюдения стихотворной формы оригинала (октавы) строфы поэмы «Неистовый Роланд» знаменитого итальянского поэта и драматурга эпохи Возрождения Лудовико Ариосто (1474–1533). При жизни поэта это его произведение не было напечатано. Поэт выбирает один из драматичных эпизодов поэмы Ариосто, где бедный рыцарь узнаёт об измене своей возлюбленной. Его страдания Пушкин описывает, используя разнообразные тропы, характерные для поэтики романтизма:

Готов он в горести безгласной

Лишиться чувств, оставить свет.

Ах, верьте мне, что муки нет,

Подобной муке сей ужасной.

¹ Пушкин А. С. «Ромео и Джульета» Шекспира // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1964. С. 94.

² Там же. С. 243.

³ Пушкин А. С. Vie, poesies et pensees de Joseph Delorme // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1964. С. 243.

⁴ Пушкин А. С. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1964. С. 341.

⁵ Пушкин А. С. Опровержение на критики // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1964. С. 175.

*На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.*¹

Иногда Пушкин вставляет в свои тексты отдельные итальянские слова, всегда вносящие позитивную эмоциональную окраску, как, например, в письме к Л. С. Пушкину (январь (после 12) – начало февраля 1824 г.: «А мне bene там, где растёт трин-трава, братцы»². В повести «Метель», сочувствуя Марье Гавриловне, отличавшей гусарского полковника Бурмина, он прибегает к помощи итальянского языка, языка любви: «Se amore non e', che dunqut?» (Если это не любовь, то что это?..³).

На итальянском языке изъясняются герои неоконченного произведения «Египетские ночи» (1824–1835). Поэт Чарский и итальянец-импровизатор связаны общей способностью воспринимать прекрасное в поэтических страницах великого исторического прошлого, они оба талантливы и открыты пониманию красоты. Между ними больше общего, нежели у представителей светского общества, в окружении которого они изображены. Оба они способны чувствовать вдохновение. Так, про Чарского Пушкин пишет: «Однако ж он был поэт, и страсть его была неодолима: когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своём кабинете и писал с утра до поздней ночи»⁴. Чарский восхищается талантом импровизатора: «Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали её беспрестанно»⁵. Звонящие фразы итальянского языка, которые автор

вставляет в уста обоих героев, повторяются часто и образуют прекрасный фон для рассуждений героев о природе истинного таланта поэта. Импровизатор выдвигает тезис о том, что «Всякий талант неизъясним. Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера и выводит его на свет, резцом и молотом раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооружённая четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?»⁶ Во время вечера у княгини *** светское общество погружается в атмосферу прекрасной Италии: «Все с нетерпением ожидали начала; Наконец в половине осьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру из "Танкреда"»⁷. Публика оживилась и откликнулась на просьбу импровизатора написать ему темы: «... два журналиста, в качестве литераторов, почли обязанностью написать каждый по теме; секретарь неаполитанского посольства и молодой человек, недавно возвратившийся из путешествия, бредя о Флоренции, положили в урну свои свёрнутые бумажки; наконец, одна некрасивая девица, по приказанию своей матери, со слезами на глазах написала несколько строк по-итальянски и, покраснев по уши, отдала их импровизатору»⁸. Поэт мастерски показывает, как светское общество всё глубже погружается в атмосферу прекрасной Италии и рукоплещет импровизатору. В оппозиции «холодный север» и «полный страстей юг» благодаря таланту импровизатора выигрывает последний.

«Звуки итальянские» обозначают у Пушкина высшую степень поэтического восторга и красоты. Так, он пишет о вызвавших у него восхищение русских стихах Батюшкова в заметках на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова: «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков»⁹.

¹ Пушкин А. С. Из Ариостова "Orlando Furioso" // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 296.

² Пушкин А. С. Л. С. Пушкину // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 296.

³ Пушкин А. С. Метель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1964. С. 77.

⁴ Пушкин А. С. Египетские ночи // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1964. С. 245.

⁵ Там же. С. 251.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 252.

⁸ Там же. С. 253.

⁹ Пушкин А. С. Заметки на полях // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 253.

Итальянская история и литература в текстах Пушкина

В текстах Пушкина, по наблюдениям Алексея Михайловича Букалова, содержится около ста итальянских записей: обширные выписки из Данте, Петрарки, Мадзони, Пиндемонте, оперные цитаты, термины и заглавия, названия литературных произведений и их авторов, восклицания и разного рода разговорные и эпистолярные «штампы» [4].

Пушкин прекрасно знал историю Италии, о чём свидетельствуют его «Замечания на Анналы Тацита», где он полемизирует с древнеримским историком: «Юлия, дочь Августа, славная своим распутством и ссылкой Овидия, умирает в изгнании, в нищете, – может быть, но не от нищеты и голода, как пишет Тацит. – Голодом можно заморить в тюрьме»¹.

В поэтическом наследии Пушкина постоянно упоминаются латинские поэты – Публий Вергилий Марон, Квинтус Гораций Флаккус, Альбий Тибулл, Тит Лукреций Кар, Гай Валерий Катулл, Публий Овидий Назон, Децим Юний Ювенал. В письме к А. А. Бестужеву в 1825 г. он называет их гениями: «У римлян век посредственности предшествовал веку гениев – грех отнять это титул у таких людей, каковы Вергилий, Гораций, Тибулл, Овидий и Лукреций, хотя они, кроме двух последних, шли столбовою дорогою подражания»².

В заметке «О поэзии классической и романтической» поэт описывает «смирненное начало романтической поэзии» и справедливо замечает, что «Италия присвоила себе её эпопею»³. О закате Римской империи, а с нею и латинского просвещения поэт пишет с нескрываемым разочарованием: «Западная империя клонилась

быстро к падению, а с нею науки, словесность и искусства. Наконец она пала: просвещение погасло. Невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота; в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскребали с пергамента стихи Лукреция и Вергилия и вместо их писали на нём свои хроники и легенды»⁴.

В рецензии на стихотворения Виктора Теплякова «Фракийские элегии» Пушкин приводит блестящий анализ творчества Овидия: «Героиды, элегии любовные и самая поэма “*Argis amandi*”, мнимая причина его изгнания, уступает “Элегиям понтийским”. В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твёрдостью на счёт бедного изгнанника, а с живостью заступает за него»⁵.

Пушкин прекрасно разбирается в истории итальянской литературы. В том же письме Бестужеву он пишет: «В Италии Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту, сии предшествовали Alfieri и Foscolo»⁶. В письме 1825 г. П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину поэт полемизирует с Полевым: «Ты вызываешься сосводничать мне Полевого. Дело в том, что я рад помогать ему, а условий верно никаких не выполню – следственно и денег его мне не нужно. Да ты смотри за ним – ради бога! и ему случается завираться. Например, Дон Кихот искоренил в Европе странствующих рыцарей!!! – В Италии, кроме Dante единственно, не было романтизма. А он в Италии-то и возник. Что ж такое Ариост? а предшественники его, начиная от Buono

¹ Пушкин А. С. Замечания на анналы Тацита // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1978. С. 98.

² Пушкин А. С. А. А. Бестужеву // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 98.

³ Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 26.

⁴ Там же. С. 24–25.

⁵ Пушкин А. С. Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 289.

⁶ Пушкин А. С. А. А. Бестужеву // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 114.

d'Antona до Orlando innamorato? как можно писать так наобум!»¹

Как и для русской литературы, так и для итальянской словесности особое значение представляют итальянские сказки как древнейший жанр итальянского фольклора: «Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостию необыкновенной. Из них *Porcia*, кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, посевшего вдруг; разговор двух любовников на море – всё это прелесть»².

Данте Алигьери занимает особое место в итальянских увлечениях Пушкина. В любви к великому итальянскому поэту Пушкин признаётся в стихотворении 1828 г.:

*Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих –
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развизался
Я давнишнюю порой.*³

Обоих поэтов роднит то, что они оба стали создателями своих национальных литературных языков. Дантовские цитаты у Пушкина встречаются в «Евгении Онегине», в других произведениях и письмах. Центральное место в пушкинских размышлениях о Данте занимает «Божественная комедия». Ряд стихотворений поэта написан дантовскими терцинами. Поэт признаётся в своём увлечении излюбленным жанром Данте и Петрарки – сонетом:

*Суровый Дант не презирал сонета;
В нём жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камознс облекал.*

*И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.*⁴

Именно в итальянском жанре сонета Пушкин выражает свою любовь к невесте:

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.*⁵

В стихотворении «Подражание итальянскому» Пушкин разворачивает перед читателем inferнальные образы наказания Иуды, предавшего Христа, вдохновлённые Дантовскими видениями ада в «Божественной комедии»:

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной*

*И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И Сатана, привстав, в веселии на лице
Лобзанием своим насквозь прожог уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.*⁶

Любимого поэта Петрарку Пушкин цитирует в стихотворениях «Приятелю», «Сонет», в статьях «Об альманахе «Северная лира»», «О причинах, замедливших ход нашей словесности...», в своём эпистолярном наследии, в романе в стихах «Евгений Онегин» (главы 1, 3 и

¹ Пушкин А. С. П. А. Вяземскому // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 118.

² Пушкин А. С. Об Альфреде Мюссе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 146.

³ Пушкин А. С. Зорю бьют... из рук моих... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 142.

⁴ Пушкин А. С. Сонет // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 158.

⁵ Пушкин А. С. Мадонна // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 166.

⁶ Пушкин А. С. Подражание итальянскому // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 334.

6). Эпиграфом к шестой главе «Евгения Онегина» Пушкин берёт строки 49 и 51 из канцонны Петрарки «O aspettata in ciel, beata e bella...» (канцонны I к Джакомо Колонне):

*Là, sotto I giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole. Petr.
(Там, где дни облачны и кратки, ...
Рождается племя, которому не больно умирать).¹*

В «Ответе “Русскому вестнику”» Достоевский сопоставляет аксиологические представления двух народов, обращаясь, как и в «Легенде о великом инквизиторе», к помощи Пушкина, чьи поэтические строки в качестве блестящего медиатора двух культур проясняют отношения писателя к католическому макабру: «И теперь импровизатор “Ночей” мог бы слышать новый смех над ним северных варваров. Станный мы народ в самом деле! Очень справедливо, кажется, Пушкин применил к нам стихи Петрарки:

*Là sotto i giorni nubilosi e brevi
Nasce unf gente a cui l'morir non dole.*

Когда нам говорят о смерти, когда кланутся богами ада и указывают нам на смертную секиру и падающие головы, мы слушаем с северною холодностью; нас это не трогает; не ужасает» [цит. по 7, с. 179–180].

Дважды упоминается Пушкиным Джованни Боккаччо (1313–1375): в статье «О новейших блюстителях нравственности» («разбирал её как самую вольную сказку Бокаччио»²) и в письме к Елизавете Михайловне Хитрово («это, конечно, вполне достойно “Декамерона”»³ – от 10 сентября 1831 г.).

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1964. С. 119.

² Пушкин А. С. О новейших блюстителях нравственности // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 91.

³ Пушкин А. С. Переводы иностранных писем // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т.

Торквато Тассо (1544–1595) Пушкин называл «Торквато величавым» и очень высоко ценил его творчество. В заметках на полях второй части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова Пушкин, критикуя его элегию «Умиравший Тасс», называя её «ниже своей славы», превозносит поэзию Тассо: «Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия (см. замечание), ничего не видно. Это – умирающий Василий Львович, а не Торквато»⁴. Главный персонаж поэмы Тассо «Освобождённый Иерусалим» Армида стала для Пушкина символом женской красоты. Её имя упоминается у поэта в поэме «Руслан и Людмила» («Прекраснее садов Армиды...»⁵), в первой главе «Евгения Онегина» («Лобзать уста младых Армид...»⁶), в стихотворениях «Ушаковой» («Что нежным взором вы Армида...»⁷), «К вельможе» («Армида молодая...»⁸), «Осень», («...в саях с Армидами младыми...»⁹).

В автобиографических заметках Пушкина представлена апология Никколо Макиавелли (1469–1527 гг.), «великого знатока природы человеческой»: «Езуит Посвин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти Макиавеллевоу. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец, и тем остановил новое издание оных.

Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 661.

⁴ Пушкин А. С. Заметки на полях // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 411.

⁵ Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Л.: Наука, 1963. С. 38.

⁶ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1964. С. 214.

⁷ Пушкин А. С. Ел. Н. Ушаковой. В альбом // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 102.

⁸ Пушкин А. С. К вельможе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 160.

⁹ Пушкин А. С. Осень // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. С. 246.

Учёный Conringius, издавший “*Il principe*” в 1660 году, доказал, что Посвин никогда не читал Макиавелля, а толковал о нём понаслышке¹.

Особенно Пушкин восхищался Сильвио Пеллико (1789–1854), чей трактат «Об обязанностях человека» в своей рецензии на русский перевод книги в 1830 г. сравнивает с Евангелием: «На днях выйдет из печати новый перевод книги “*Dei doveri degli uomini*”, сочинения славного Сильвио Пеллико ... И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя»².

Блестящей импровизацией на тему Древнего Рима является неоконченное произведение Пушкина «Повесть из Римской жизни». Перед нами оживают имена Гая Юлия Цезаря, которого издали сопровождает герой отрывка, Тита Петрония, древнеримского писателя и проконсула, которого вызывает к себе жестокий Нерон, Флавия Аврелия. Поэт, от лица которого ведётся повествование, сочувствуя Петронию, в котором он видел «не только щедрого благодетеля, но и друга, искренно ко мне привязанного», переводит одну из од Анакреона «в память этого печального дня»³.

Заключение

«Итальянское» представлено у Пушкина сферой искусства, музыки (оперы, импровизации), языка. В зрелом возрасте его внимание привлекает итальянская литература и язык в качестве фона для сравнения с русской литературой. Пушкин намечает пути развития русской литературы по аналогии с литературой стран Европы и, в частности, Италии.

Любовь А. С. Пушкина к Италии оказалась взаимной. Уже сразу после смерти поэта в Итальянское консульство в Риме были принесены переводы его стихов на итальянский, выполненные итальянским подданным, которые до сих пор хранятся в Архиве Внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел. 6 июня 2000 г. в Риме был открыт памятник А. С. Пушкину. Надпись на белом мраморном постаменте гласит: «Александр Сергеевич Пушкин. Aleksandr Sergeevic Puškin, Mosca 1799 – San Pietroburgo 1837». И далее перевод на итальянский язык признание поэта в любви к Италии:

*«обетованной земле поэзии и неги
Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою?
Италия, волшебная земля,
Страна высоких вдохновений...»*

Общество при итальянском парламенте «Друзья Великой России» (*Amici della Grande Russia*) с 2014 года проводит конкурсы на вручение Международной Пушкинской Премии за достижения в области литературы, во время которых звучат стихи поэта в переводе на столь любимый им итальянский язык.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024.

¹ Пушкин А. С. Table-talk // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1964. С. 64.

² Пушкин А. С. Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 322.

³ Пушкин А. С. Повесть из римской жизни // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Л.: Наука, 1978. С. 412.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература / отв. ред. Г. П. Макогоненко, С. А. Фомичёв. Л.: Наука, 1987. 617 с.
2. Берков П. Н. Пушкин и итальянская культура // Проблемы исторического развития литератур. Статьи. Л.: Художественная литература, 1970. С. 273–370.
3. Благый Д. Д. Данте в сознании и в творчестве Пушкина // Историко-филологические исследования: сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада. М.: Наука, 1967. С. 237–246.
4. Букалов А. М. Пушкинская Италия. М.: Алетейя, 2007. 352 с.
5. Верховский Ю. Н. Пушкин и итальянский язык: (По поводу заметки Ф. Е. Корша) // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 11. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1909. С. 101–106.
6. Восток-Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сборник статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Перемена, 2019. 471 с.
7. Дергачева И. В. Историко-культурный концепт «Италия» в произведениях Ф. М. Достоевского // Новый исторический вестник. 2021. № 68 (2). М.: Издательство Ипполитова, 2021. С. 174–183.
8. Канель И. В. Данте Алигьери и эпоха Рисорджименто: религиозный аспект исторической связи [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Т. 9. № 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2022_n4/Kanel (дата обращения: 21.02.2024).
9. Корш Ф. Е. Знал ли Пушкин по-итальянски? // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 7. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1908. С. 54–56.
10. Лотман Ю. М. К проблеме «Данте и Пушкин» // Временник Пушкинской комиссии, 1977. Л.: Наука, 1980. С. 88–91.
11. Мережковский Д. Пушкин // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX. М.: Книга, 1990. С. 92–160.
12. Незнамова А. Ю. Эпитет «итальянский» в творческом и эпистолярном наследии А. С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 34–38.
13. Розанов М. Н. Пушкин и Данте // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 37. Л.: Издательство АН СССР, 1928. С. 11–41.
14. Томашевский Б. В. Пушкин и итальянская опера // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 31/32. Л.: Издательство АН СССР, 1927. С. 49–60.

REFERENCES

1. Alekseev M. P. *Pushkin i mirovaya literatura* [Pushkin and World Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 617 p.
2. Berkov P. N. [Pushkin and Italian Culture]. In: *Problemy istoricheskogo razvitiya literatur. Stat'i* [Problems of the Historical Development of Literature. Articles]. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1970, pp. 273–370.
3. Blagoy D. D. [Dante in Necessity and in the Work of Pushkin]. In: *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: sbornik statej k semidesyatiptyatiletiyu akademika N. I. Konrada* [Historical and Philological Studies: Collection of Articles for the Seventy-Fifth Anniversary of Academician N. I. Conrad]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 237–246.
4. Bukalov A. M. *Pushkinskaya Italiya* [Pushkinskaya Italy]. Moscow, Aletejya Publ., 2007. 352 p.
5. Verkhovsky Yu. N. [Pushkin and the Italian language: (About the Note of F. E. Korsh)]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya Vyp. 11*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1909, pp. 101–106.
6. Troпкина N. E., ed. *Vostok-Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klоре: sbornik statej k 70-letiyu professora A. H. Goldenberga* [East-West: the Space of Local Text in Literature and Folklore: Collections of Articles for the 70th Anniversary of Prof. A. H. Goldenberg]. Volgograd, Peremena Publ., 2019. 471 p.
7. Dergacheva I. V. [The Historical and Cultural Concept “Italy” in F. M. Dostoevsky’s Works]. In: *Novyy istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2021, no. 68 (2). Moscow, Izdatel'stvo Ippolitova Publ., 2021, pp. 174–183.
8. Kanel I. V. [Dante Alighieri and Risorgimento: Religious Aspect of Historical Connection]. In: *Yazyk i tekst* [Language and Text], 2022, vol. 9, no. 4. Available at: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2022_n4/Kanel (accessed: 21.02.2024).

9. Korsh F. E. [Did Pushkin Know Italian?]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya. Vyp. 7* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research. Vol. 7]. St. Peterbug, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1908, pp. 54–56.
10. Lotman Yu. M. [On the Problem of “Dante and Pushkin”]. In: *Vremennik Pushkinskoj komissii, 1977* [Temporary Journal of the Pushkin Commission, 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 88–91.
11. Merezhkovsky D. [Pushkin]. In: *Pushkin v russkoj filosofskoj kritike. Konec XIX – pervaya polovina XX* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism. End of XIX – First Half of XX]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 92–160.
12. Neznamova A. Yu. [The epithet “Italian” in Alexander Pushkin’s literary, journalistic and epistolary works]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2022, no. 480, pp. 34–38.
13. Rozanov M. N. [Pushkin and Dante]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya. Vyp. 37* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research. Vol. 37]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1928, pp. 11–41.
14. Tomashevsky B. V. [Pushkin and Italian Opera]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya. Vyp. 31/32* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1927, pp. 49–60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дергачева Ирина Владимировна – профессор кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков, современных коммуникаций и управления Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: DergachevaIV@mgppu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Dergacheva – Prof., Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management, Moscow State University of Psychology and Education;
e-mail: DergachevaIV@mgppu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дергачева И. В. Итальянский текст Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 52–65.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65

FOR CITATION

Dergacheva I. V. Italian Text of Pushkin. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3, vol. 2, pp. 52–65.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65